

СЛУЖЕНИЕ АРХИМАНДРИТА ФЕОФАНА (ГОВОРОВА) ПРИ ПОСОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРИОД ЕГО КОМАНДИРОВКИ В ГОРОД КОНСТАНТИНОПОЛЬ С 1856 ГОДА ПО 1857 ГОД

Священник Алексей Сергеевич Паршилкин

аспирант Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
alex-szo@mail.ru

Для цитирования: *Паршилкин А. С., свящ. Служение архимандрита Феофана (Говорова) при Посольской церкви в период его командировки в город Константинополь с 1856 года по 1857 год // Церковный историк. 2025. № 2 (20). С. 64–85. DOI: 10.31802/CH.2025.20.2.004*

Аннотация

УДК 2-725

В статье рассматривается один из малоизученных периодов жизни святителя Феофана Затворника (Говорова) с ноября 1856 по июль 1857 гг. В это непродолжительное время он занимал должность настоятеля посольского храма в честь святителя Николая Чудотворца в Константинополе, и находился на самом острие церковно-политической жизни Российской Империи. Этой важной части жизни святого до сих пор не было уделено должного внимания в научных трудах. Настоящая статья является попыткой заполнить эту лакуну. В статье рассматривается деятельность святителя на фоне церковно-политической ситуации в Османской империи после Крымской войны, а также позиция святителя в отношении болгарского национально-освободительного движения, приведшего впоследствии к греко-болгарской схизме. Методология исследования основана на комплексном анализе архивных источников, переписки святителя, документов Святейшего Синода и Министерства иностранных дел Российской Империи, и сопоставлении этих материалов с трудами отечественных и зарубежных исследователей истории Православной Церкви XIX в. Результаты исследования показывают, что святитель Феофан,

обладая опытом заграничного служения и политической интуицией, в короткий срок сумел оценить духовно-политическую обстановку на Балканах. Он рассматривал стремление болгар к церковной независимости как процесс, имеющий политическую подоплеку и потенциально опасный для единства Православной Церкви. При этом он проявлял сочувствие к умеренным требованиям верующих болгар относительно использования родного языка за богослужением и избрания болгар на епископские кафедры. Значение исследования заключается в уточнении взглядов святителя Феофана как церковного и общественного деятеля, что позволяет глубже понять причины и особенности формирования его богословских и пастырских установок. Выводы исследования также вносят вклад в более объективную оценку предпосылок Греко-болгарской схизмы и роли Российской Церкви в Восточном вопросе.

Ключевые слова: святитель Феофан Затворник, Крымская война, Константинополь, Болгария, Османская империя, посольский храм, греко-болгарская схизма.

Mission of Archimandrite Feofan (Govorov) to the Embassy Church during his mission to Constantinople from 1856 to 1857

Priest Alexei S. Parshilkin

PhD student at the Moscow Theological Academy

141300, Sergiev Posad, Trinity-Sergius Lavra, Academy

alex-szo@mail.ru

For citation: Parshilkin, Alexey S., Priest. "Mission of Archimandrite Feofan (Govorov) to the Embassy Church during his mission to Constantinople from 1856 to 1857". *Church Historian*, № 2 (20), 2025, pp. 64–85 (in Russian). DOI: 10.31802/CH.2025.20.2.004

Abstract. The article examines one of the little-studied periods of the life of St. Theophan the Recluse (Govorov) from November 1856 to July 1857. During this short time, he held the position of rector of the embassy church in honor of St. Nicholas the Wonderworker in Constantinople, and was at the forefront of the church and political life of the Russian Empire. This important part of the saint's life has not yet been given due attention in scientific works. This article is an attempt to fill this gap. The article examines the saint's activities against the background of the ecclesiastical and political situation in the Ottoman Empire after the Crimean War, as well as the saint's position regarding the Bulgarian national liberation movement, which later led to the Greek-Bulgarian schism. The research methodology is based on a comprehensive analysis of archival sources, correspondence of the saint, documents of the Holy Synod and the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, and a comparison of these materials with the works of domestic and foreign researchers of the history of the Orthodox Church of the XIX century. The results of the study show that St. Theophan, having experience in foreign ministry and political intuition, was able to assess the spiritual and political situation in the Balkans in a short time. He viewed the Bulgarians' desire for ecclesiastical independence as a politically motivated process potentially dangerous to the unity of the Orthodox Church. At the same time, he showed sympathy for the moderate

demands of the Bulgarian faithful regarding the use of their native language during worship and the election of Bulgarians to episcopal sees. The significance of the research lies in clarifying the views of St. Theophan as a church and public figure, which allows for a deeper understanding of the causes and features of the formation of his theological and pastoral attitudes. The findings of the study also contribute to a more objective assessment of the prerequisites of the Greek-Bulgarian Schism and the role of the Russian Church in the Eastern question.

Keywords: St. Theophan the Recluse, The Crimean War, Constantinople, Bulgaria, the Ottoman Empire, the embassy church, the Greek-Bulgarian Schism.

Жизнь святителя Феофана Затворника была невероятно насыщенной и плодотворной, под стать его обширным и разнообразным талантам. Он занимал должности ректора нескольких духовных учебных заведений, находился в долгих заграничных командировках, занимал несколько епископских кафедр, был хорошим художником и иконописцем, владел навыками резьбы по дереву и токарного мастерства, знал несколько древних и современных языков, вел обширную переписку и выполнял многочисленные переводы, в конце концов, кульминацией его жизненного пути стал уход в затвор.

В 1856 году архимандрит Феофан был направлен в город Константинополь в качестве исполняющего обязанности настоятеля посольского храма Российской империи¹. Храм этот относился к русскому посольству в Османской империи, располагался на третьем этаже здания посольства, которое находилось в верхней части города, в районе Пере (ныне — Бейголу). Освящен храм был в 1845 году в честь святителя Николая Чудотворца², и это событие ознаменовало завершение строительства нового здания посольства, которое велось на протяжении 7 лет (с 1838 г.) по чертежам Гаспара Фоссати, известного тем, что он занимался реставрацией Константинопольской Софии³.

Должность настоятеля посольского храма в Константинополе — ответственный и важный пост, особенно в послевоенных условиях, о которых подробно скажем далее. Однако, архимандрит Феофан был готов взять на себя ответственность, потому как работа в заграничной миссии была для него делом не новым. На протяжении семи лет (1847–1854 гг.) будущий святитель служил в Русской духовной миссии в Иерусалиме, и даже некоторое время исполнял обязанности её начальника. Новому назначению он, по собственному признанию, был рад. И позже напишет, что «...то место, где, если угодно Богу, буду теперь, предпочитаю всему для себя»⁴.

Исторически сложилось так, что штат священно- и церковнослужителей при представительстве в столице Османской империи был больше, чем при европейских посольствах⁵. Объяснялось это уникальным

1 Определение Св. Синода о назначении архимандрита Феофана настоятелем русской посольской церкви в Константинополе // РГИА. Ф. 796. Оп. 137. Ед. хр. 747. Л. 3–5.

2 Кудряцева Е. П. Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М., 2010. С. 132–136.

3 Половцов А. А. Русский биографический словарь. Т. 21. СПб., 1901. С. 203.

4 Переписка между преосвященным Феофаном, бывшим епископом Владимирским, и Аркадием, бывшим архиепископом Олонецким // Христианское чтение, Ч. 2. 1894. Июль-август. С. 106.

5 Очерки истории министерства иностранных дел России. Т. 1. М., 2002. С. 594–595.

статусом Константинополя, важного политического полюса, и вытекавших из этого особых задач как посольского представительства, так и духовенства, состоящего при нем. А. Н. Муравьев, духовный писатель, сотрудник Министерства иностранных дел (1828–1866), писал: «...на Востоке вся политическая жизнь находится в Церкви»⁶.

Не смотря на отсутствие источников, которые могли бы точно очертить круг обязанностей, возлагаемых Синодом и Министерством иностранных дел на настоятеля посольского храма в Константинополе, мы все же попытаемся его обозначить.

Настоятели посольских храмов, как и все относящиеся к ним священнослужители, напрямую подчинялись не только Святейшему Синоду, но и Министерству иностранных дел. Абсолютно все вопросы, касающиеся своей деятельности, они адресовали главе миссии, который, в свою очередь, через посредство министерства иностранных дел согласовывал их с обер-прокурором Синода⁷. Ответ, прошедший через все инстанции, настоятель получал в обратном порядке.

Настоятелю посольской церкви вменялось в обязанность наблюдать за духовной жизнью стран, в которые они были посланы. О своих наблюдениях священнослужители должны были по обычаю, заведенному при обер-прокуроре Святейшего Синода графе Протасове (1836–1855), докладывать напрямую в Синод⁸. Министерство иностранных дел поручало настоятелю посольского храма наблюдать за отдельными аспектами жизни зарубежных граждан. Священнослужители получали от МИДа особую программу, в которой были изложены главные предметы, поручавшиеся их наблюдению⁹. Найти текст этой программы, о которой писал обер-прокурор А. П. Толстой в циркулярном письме от 17 июля 1857 г. настоятелям заграничных храмов¹⁰, нам обнаружить

6 Муравьев А. Н. Записка о нынешнем значении нашей Миссии в Царьграде // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия министра. Оп. 49. Т. 2. 185. Д. 43. Л. 359 об., 362 об. Цит. по: Вах К. А. Церковное представительство России на Православном Востоке: апокрисиарии в Константинополе или Русская Духовная Миссия в Иерусалиме? (К постановке вопроса) // Православный Палестинский сборник, 2024. № 110. С. 32.

7 Мельникова Л. В. Настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне в годы Крымской войны // Российская история. 2012. № 4. С. 121.

8 Емец В. А. Министерство иностранных дел России // Международная жизнь, 2000. № 1. С. 39.

9 Кудрявцева Е. П. Российские посольские церкви и священнослужители при Николае I // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 6 (57). С. 9. С. 7–19.

10 Емец В. А. Министерство иностранных дел России // Международная жизнь, 2000. № 1. С. 39.

не удалось. Священнослужители на зарубежное служение назначались Святейшим Синодом, но находились в подчинении Министерства иностранных дел, жалование также получали от МИДа. Таким образом в России формировалось представление о религиозной специфике соответствующего государства.

Православный храм в столице мусульманского государства, некогда славного Константинополя, был образцом верного и благолепного отправления православных богослужений для всех христиан, живущих на Балканах. Еще до постройки здания посольства, в котором был устроен Никольский храм, ставший местом служения архимандрита Феофана, российское посольство на протяжении почти 30 лет (1816–1845 гг.) зимой молилось в церкви Каффской иконы Божией Матери, в небольшом древнем храме 1583 года постройки, располагавшемся в живописном районе Бейоглу, окружённом водами Босфора и бухты Золотой Рог. Этот храм славился, по свидетельству посла А. П. Бутнёва, «согласными хорами русских певчих»¹¹.

«Представительство русской церкви за пределами Российского государства создавалось из её лучших кадров»¹² — пишет современный греческий исследователь. Так, предшественник отца Феофана на посту настоятеля посольской церкви, занимавший эту должность с 1848 года и до начала Крымской войны (1853 г.), — архимандрит Софония (Сокольский) (впоследствии архиепископ, первый епископ Туркестанский), был всесторонне образован, трудолюбив, знал множество современных языков, переводил тексты с древних языков — греческого, сирийского, и даже древнехалдейского¹³. Другой известный своими талантами настоятель Никольского храма в Константинополе, служивший после архимандрита Феофана — архимандрит Антонин (Капустин). В ряду этих и других ответственных служителей Церкви и ученых по праву находится и имя архимандрита Феофана.

Приступая к исполнению новой должности, новый настоятель посольского храма столкнулся с затруднениями, которые были связаны с особенностями церковно-политической ситуации на Ближнем

- 11 АВПРИ. Ф. СПб ГА II-9. Оп. 46. Д. 9. Л. 29 об. Цит. по: Кудрявцева Е. П. Российские посольские церкви и священнослужители при Николае I // Вестник МГИМО. М., 2017. № 6 (57). С. 12.
- 12 Имеется ввиду Константин Популидис. Цит. по: Кудрявцева Е. П. Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М., 2010. С. 147.
- 13 Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи. 922–1892. Т. 3. М., 2004. С. 25.

Востоке в тот период. 1856 год — это год окончания Крымской войны, и будущий святитель стал первым настоятелем посольского храма после возобновления деятельности российского посольства, эвакуированного из Стамбула в начале войны. Среди унижительных для России положений Парижского мира был пункт, по которому Российская империя теряла право протекции над христианским населением Османской империи, полученное по результатам первой русско-турецкой войны (14 статья Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г.)¹⁴. До начала Крымской войны, одной из декларируемых причин которой как раз и была попытка России закрепить право «духовной опеки»¹⁵ над православными, притесняемыми магометанским правительством всё более и более слабой Османской империи. Архимандрит Порфирий (Успенский), находясь вместе с отцом Феофаном в Риме в самом начале Крымской войны, в разговоре с католиком Степаном Дунковским (русским дворянином, перешедшим в 1845 году в католицизм и вступившим в орден иезуитов) излагал популярный прогноз на грядущие мировые события: «...Россия беспрепятственно выполнит свое назначение. Она начала сокрушать Турцию, она и кончит это дело, и на месте ислама упрочит Православие...»¹⁶. Примечательно, что отец Порфирий при этом возлагал надежду не на русское оружие, а на Бога, у Которого, в отличие от войска Николая I были средства против превосходящих сил Европейской коалиции, имевшей свои интересы на Ближнем Востоке — «У Него есть для них и голод, и мор, и потоп»¹⁷. Однако, чудо не произошло, и архимандрит Феофан ехал в Константинополь как представитель стороны «агрессора», потерпевшего поражение в, казалось бы, неравной схватке. Было необходимо возобновлять дипломатическое общение с султанским правительством уже на условиях победителя, в том числе, победителя в плане нового баланса сил в контексте религиозного влияния на Востоке.

Другим проблемным полем, в которое вошел архимандрит Феофан, было обстоятельство не меж-, а внутри конфессиональное. В то время среди православных народов, находившихся под османским игом, параллельно с ростом национально-освободительных настроений крепла идея

14 Миловский Н. М. Современные российские исследования о последствиях Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики / 2022. № 01/2. С. 22.

15 Там же.

16 Порфирий (Успенский), архим. Книга бытия моего. Т. 6. СПб, 1900. С. 333–334.

17 Там же.

получения церковной независимости от Константинопольского патриархата¹⁸. На обстоятельстве церковно-политической жизни Константинополя, с которым был вынужден столкнуться будущий святитель Феофан, вошедшем в историю как Греко-болгарская схизма¹⁹, мы остановимся подробнее, изложив позицию, ставшей традиционной в литературе по этому вопросу.

В конце XIV в., после потери Болгарией собственной государственности и присоединения к Османской империи, церковное управление православными Патриархатами, в состав которых входили болгары, перешло в руки Константинополя. Тырновский Патриархат примерно с 1395 г. стал управляться присланным из Константинополя митр. Иеремией, что стало началом подчинения автокефальной Болгарской Церкви (без какого-либо канонического оформления) Константинопольскому Патриархату. Печский и Охридский Патриархаты были упразднены значительно позже, в 1766 и 1767 годах, соответственно. Таким образом, ко второй половине XVIII в. все православные болгары стали частью Константинопольской Церкви²⁰.

Православные верующие болгарских земель, находившиеся в церковном подчинении Константинополю, чувствовали притеснения со стороны греческого священноначалия в следующем:

- на болгарские кафедры назначались национальные греки, нравственные качества которых часто не соответствовали занимаемым должностям;
- в школах и храмах насильственно вводился греческий язык, непонятный для большего числа верующих, церковнославянский же запрещался²¹;
- процветала коррупция, нередко церковные должности в болгарских землях продавались за крупные суммы;
- церковные налоги, взимаемые с болгар, были несоразмерно крупными, зачастую взимались при помощи административного давления.

Названные злоупотребления со стороны греческого священноначалия не могли не вызвать протест болгар. С начала XIX в. болгары стали

18 Стояновъ-Бурмовъ Ф. Греко-болгарская распря в шестидесятих годах // Вестник Европы. СПб, 1888. № 8. С. 723.

19 См.: Сильвестр (Стоичев), архиеп. Греко-болгарский раскол в 1872 году: история и каноническая оценка // Портал Богослов.Ru URL: <https://bogoslav.ru/article/6176739>.

20 Косик В. И., Темелски Хр., Турилов А. А. Болгарская Православная Церковь // ПЭ. Т. 5. М., 2002. С. 626.

21 Скурат К. Е. История Поместных Православных Церквей. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 155.

настаивать на праве совершать богослужения на церковнославянском языке, а также назначать епископов и священников из числа своего народа. В 30-х годах по некоторым городам прокатились восстания против греческих митрополитов, управлявших болгарскими кафедрами.

Однако, нельзя не отметить, что практически противоположную картину греко-болгарских отношений обрисовал архимандрит Петр (Троицкий), преемник отца Феофана по должности в письме к обер-прокурору гр. А. П. Толстому. Он писал, что практически во всей Болгарии богослужения совершаются на церковно-славянском языке, вопреки «фальшивым домыслам частных лиц»²², и вообще, болгары нравственно и религиозно деградировали за четыре века рабства, почему имеют странный характер, и вызывают мало симпатии, даже в своем плачевном положении.

Весть о церковных нестроениях и все возрастающей напряженности в отношениях между Константинополем и болгарам дошла и до султанского правительства, и в 1850 году в Константинополе состоялся Поместный Собор, на котором были отвергнуты все требования болгар, в числе которых — право избирать и поставлять из числа своего народа епископов и священников. Таким образом церковная власть Константинополя, оказавшись в Османской империи в привилегированном положении, не желала считаться с интересами Болгарской Церкви, настаивая на своем исключительном праве административного, духовного и экономического контроля над всем православным населением Порты.

После Поместного Собора, по итогам которого стало ясно, что Константинополь не намерен идти ни на какие уступки, болгарское национально-освободительное движение²³ стало набирать все большие обороты, к нему присоединялись многочисленные болгарские диаспоры за пределами Османской империи, и к моменту окончания Крымской войны определился его центр — Константинополь, где стала активно действовать многочисленная болгарская община (ок. 50 тыс. человек). Это стало возможным, в том числе, благодаря изданию хатт-и-хамаюна

22 Цит. по: *Попов Н.* Взгляд очевидца на греко-болгарскую распрю // Исторический вестник. 1886. № 8. С. 277.

23 Национальная идеология народов, которые были лишены своей государственности, в том числе болгар, прежде всего, была направлена на главную цель — создание национального государства. На этом пути предполагалось «воссоздание и своего независимого государства, и своей независимой Церкви». См.: *Сильвестр (Стойчев), архиеп.* Греко-болгарский раскол в 1872 году: история и каноническая оценка // URL: <https://bogoslov.ru/article/6176739>.

1856 г.²⁴, по которому все подданные Османской империи безотносительно к религиозной и национальной принадлежности уравнивались в правах. К этому времени окончательно оформилась идея необходимости восстановления автокефалии Болгарской Церкви²⁵.

Российская империя преследовала на Востоке свои интересы. К середине XIX в. стало понятно, что религиозный фактор — одна из главных составляющих «Восточного вопроса», о котором Ф. М. Достоевский писал: он «сводится не только к решению проблемы, кому... обладать проливами и территориями Балканского полуострова... — это ни много ни мало, полагал классик — разрешение судьбы восточного христианства»²⁶. Если не судьба христианства, то судьба народов, требующих освобождения от ига ослабевающей Османской империи, действительно решалась, в том числе через усиление позиций национальной религии. Поэтому процессы социальные (религиозные), наравне с политическими на Востоке обращали на себя пристальное внимание как Российской империи, так и других ведущих мировых держав. Церковь в этом смысле воспринималась как важный инструмент влияния на внешнеполитическую обстановку²⁷. Отметим также, что многие исследователи подчеркивают, что на самом деле, «Болгарский церковный вопрос» имел в первую очередь не церковный характер, а именно политический, был инструментом, ярким лозунгом национально-освободительной программы, целью которой было избавление болгарского народа от влияния эллинизма²⁸, что подтверждает и архимандрит Феофан, о чем скажем ниже.

24 Указ о реформе, изданный султаном Абдулмеджидом I, обещавшей равенство в образовании, государственных назначениях и отправлении правосудия для всех граждан Османской империи, независимо от вероисповедания.

25 Мельникова Л. Православный фактор русской политики на Балканах в конце 1850-х — 1870-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 149.

26 Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 14. СПб., 1995. С. 362.

27 Глушко А. Ю. Греко-Болгарский церковный вопрос: интересы России между греками и болгарями // Вестник Московского государственного лингвистического университета. М., 2015. С. 39.

28 «Греко-болгарская схизма в значительной степени стала результатом национального конфликта между греками и болгарями». Сильвестр (Стойчев), архиеп. Греко-болгарский раскол в 1872 году: история и каноническая оценка // URL: <https://bogoslov.ru/article/6176739>. «...Спор болгар и греков никогда не имел церковного характера в прямом смысле слова, хотя и те, и другие всегда старались представить его именно таким. На самом же деле, спор — это национально-политическая борьба, конечная цель которой, освобождение всего болгарского народа от влияния эллинизма». Глушко А. Ю. Греко-Болгарский церковный вопрос: интересы России между греками и болгарями //

Император Александр II (1885–1881), не смотря на сочувствие болгарам, продолжал политическую линию, в основе которой были два принципа: единство православия на Востоке и опора на Константинопольский патриархат²⁹. Во-первых, потому что разделение Церкви ослабило бы православные народы, и без того находящиеся в тяжелом положении из-за нахождения под властью мусульман; во-вторых, это снизило бы влияние Российской империи на Востоке³⁰. Известно, что преемнику отца Феофана на должности настоятеля посольской церкви — архимандриту Петру (Троицкому), в частной напутственной беседе перед отправлением в столицу Османской империи, Александр II повторил три раза: «Мне нужно единство Церкви»³¹.

Мы не знаем, получал ли отец Феофан перед назначением на должность настоятеля посольского храма какие-то прямые поручения от российского правительства, или он действовал, сообразуясь исключительно со своей христианской позицией. Однако, из письма к С. О. Бурачку³² мы узнаем, что архимандрит Феофан, по приезду в Петербург, 25 июня встречался с А. П. Бутеневым, вновь назначенным на должность посла в Константинополь после Крымской войны³³, и министром иностранных дел А. М. Горчаковым.

Как раз на период окончания Крымской войны приходится оживление публицистической деятельности славянофилов, которые указывали на пути решения Восточного вопроса, пытались поддержать национально-освободительные движения на Балканах. Н. Я. Данилевский публикует первые главы «России и Европы», где пророчит Царьграду будущее столицы некоего «Всеславянского союза»³⁴; позже Достоевский «спорит» с ним: нет, считает Федор Михайлович, «Константинополь

Вестник Московского государственного лингвистического университета. М., 2015. С. 40.
Петров Н. И. Начало греко-болгарской распри и возрождения болгарской народности. Киев, 1886.

29 Мельникова Л. Православный фактор русской политики на Балканах в конце 1850-х – 1870-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 149.

30 Там же. С. 149–150.

31 Лилуашвили К. С. Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978. С. 62–64.

32 24 июня. Письмо архимандрита Феофана С. О. Бурачку // Летопись жизни и творений святителя Феофана, затворника Вышенского. 1815–1894: В 6 т. Т. 1: 1815–1859. М., 2016. С. 615.

33 Ранее Аполлинарий Петрович Бутенёв с 1830 по 1843 успешно возглавлял российское посольство в Константинополе. Кудрявцева Е. П. Российский посланник в Турции А. П. Бутенев // Новая и Новейшая история. 2021. Вып. 5. С. 83.

34 Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 384.

должен быть наш, завоеван нами у турок и остаться нашим навеки»³⁵. Таким образом, учитывая важность для России геополитических вопросов, связанных с Османской империей, обращенные на Восток взгляды всех европейских стран, желавших побороться за «османское наследство», кажется очевидным, что до архимандрита Феофана была доведена официальная позиция России по «болгарскому вопросу», которой он должен был придерживаться в своем служении.

Какой была эта официальная позиция? Незадолго до назначения отца Феофана на настоящую должность, камергер императорского двора А. Н. Муравьев в своей «Записке о состоянии Православной Церкви на Востоке»³⁶ обозначил круг проблем, которые могла бы решить Церковь в положении внешнеполитического агента России на Востоке. Как ни странно, Муравьев пишет об апологетической задаче, которую должна выполнять Православная Церковь перед лицом Западного христианства: чтобы «не оправдались упреки Римлян о недостатках в ней (Православной Церкви — *Прим. авт.*) единства», необходимо единство всеми силами сохранять³⁷. Как было отмечено выше, Александр II стоял именно на этой позиции.

Однако, в России настроения были совсем не миролюбивые: исключительное большинство следивших за разрешением церковного конфликта между болгарами и греками заняли сторону братьев-славян. К. Н. Леонтьев оставил характерное риторическое вопрошание: «кто же у нас не рвал и не метал за “братьев-славян” и против греков?»³⁸

Можно только представить, в каком тяжелом положении оказался будущий святитель после выдвижения на передовую позицию внешнеполитической арены, где сплетались интересы, амбиции и надежды множества народов. Однако, любое сложное предприятие можно разбить на несколько простых задач.

Выделим основные направления деятельности отца Феофана в должности настоятеля посольского храма. Во-первых, должным образом организовать богослужебную жизнь посольского храма; во-вторых, войти в курс внешнеполитических церковных дел, а именно, составить представление о греко-болгарских отношениях.

35 *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 38.

36 Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. Дипломатические записки и переписка / Сост. И. Ю. Смирнова. М., 2019. С. 99–131.

37 АВПРИ. Фонд «Посольство в Константинополе». Оп. 517/2, д. 3387, 1864. С. 234. Цит. по: Глушко А. Ю. Греко-Болгарский церковный вопрос: интересы России между греками и болгарями // Вестник Московского государственного лингвистического университета. М., 2015. С. 39.

38 *Леонтьев К. Н.* Письма отшельника // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. Сборник статей. М., 1885. С. 268.

В первую очередь отец Феофан уделяет внимание благоустройству посольского храма. «Дайте поставить церковь на ноги — и все наладить... Тогда — и о прочем»³⁹, — писал он в зимой 1856 года семье С. О. Бурачка. В январе следующего года архимандрит Феофан снова упоминает о своем попечении о храме, отнимавшем много свободного времени: «Хлопоты по церкви и квартире не оставляли свободы подумать о чем другом...» (Письмо архимандриту Антонину (Капустину))⁴⁰. Из содержания того же письма можно заключить, что отец Феофан к концу 1856 года еще не успел достаточно полно вникнуть в церковно-политическую ситуацию в столице Османской империи, так, что он ни нашел ничего примечательного, о чем мог бы поделиться со своим корреспондентом об обстановке в ней: «О Константинополе и делах, иже в нем, ничего почти не знаю...»⁴¹. Однако, подробно интересуется у архимандрита Антонина о том, как ему удалось организовать сильный церковный хор в Афинах. Также сожалеет, что хор Никольского храма малочислен, его составляют всего трое выпускников Санкт-Петербургской академии. Мы можем даже поименовать их, пользуясь реестром векселей для членов русского посольства: причетники Александр Василевский, Яков Славолубов и Василий Левитский⁴². Отец настоятель не жалуется на певчих, напротив, хвалит регента, и за единственный недостаток хора почитает его малочисленность.

Архимандрит Феофан по-отцовски входил в положение своих молодых подчиненных, и без стеснения ходатайствовал перед А. П. Бутневым о увеличении жалования причта посольского храма из-за «высоких цен на жизненные припасы в Константинополе»⁴³. В письме к бывшему начальнику по Иерусалимской миссии архимандриту Порфирию (Успенскому) отец Феофан жалуется, что цены в столице невероятно

39 Письмо архимандрита Феофана (Говорова) к Бурачкам от 5 января 1857 г. // ЦГАМ. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 262. Л. 41.

40 9 января. Письмо архимандрита Феофана архимандриту Антонину (Капустину) в Афины // АРДМ. Ф. 4. Оп. 4. Л. 1. Цит. по: Летопись жизни и творений святителя Феофана, затворника Вышенского. 1815–1894: В 6 т. Т. 1: 1815–1859. М., 2016. С. 632.

41 9 января. Письмо архимандрита Феофана архимандриту Антонину (Капустину) в Афины // АРДМ. Ф. 4. Оп. 4. Л. 1. Цит. по: Летопись жизни и творений святителя Феофана, затворника Вышенского... С. 633.

42 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517. Ч. 2, д. 420. Л. 219-а об. Цит. по: 31 декабря. Письмо русскому посланнику в Константинополе А. П. Бутневу с приложением реестра векселей для членов русского посольства // Летопись жизни и творений святителя Феофана, затворника Вышенского... С. 628.

43 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517. Ч. 2, д. 326. Л. 92 об. Цит. по: Летопись жизни и творений святителя Феофана, затворника Вышенского... С. 634.

высокие, и зачастую денег не хватает даже на еду: «Хоть ешь одну хорму... (хорму — прим. авт.)»⁴⁴. Прощение архимандрита Феофана было удовлетворено лишь отчасти, ему было выдано единовременное пособие из остатков бюджета, определенного на содержание посольства в Константинополе⁴⁵. Однако, заметим, что настоятель посольского храма получал некоторые средства по линии Азиатского департамента от доброхотов, например, 100 руб. серебром⁴⁶ от турка Фаллалы Иванова Саруфа⁴⁷.

В 1857 году в письме от 9 марта к архиепископу Иннокентию (Борисову) архимандрит Феофан излагает свои наблюдения и соображения о болгарском вопросе⁴⁸. Именно святитель Иннокентий стал адресатом этого отчета, потому как имел представление о своей кафедре — Херсонской и Тарической, как об «аванпосте духовном России перед Востоком»⁴⁹, отчего ему важно было иметь ясное представление о церковных делах в Константинополе. Также святитель Иннокентий занимал активную патриотическую позицию во время Крымской войны, и по её окончании продолжал с интересом наблюдать за событиями на Востоке.

Итак, из документа мы узнаем, что только в январе 1857 года архимандрит Феофан вместе с другими членами посольства впервые узрел в расположении дипломатической миссии болгарина, но и тот приехал из Петербурга. «В конце января приехал Изворский⁵⁰ из Петербурга — и это был первый болгар, которого мы видели в посольстве, не только я, но и все»⁵¹. Этот болгарин ввел в посольство других

44 Летопись жизни и творений святителя Феофана, затворника Вышенского... С. 637.

45 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517. Ч. 2. Д. 421. Л. 187 об. Цит. по: Летопись жизни и творений святителя Феофана, затворника Вышенского... С. 678.

46 Для сравнения 60 руб. — месячный оклад учителя эллинского языка в Ставропольской школе (пригород Константинополя) в то время.

47 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517. Ч. 2. Д. 326. Л. 277. Цит. по: Летопись жизни и творений святителя Феофана, затворника Вышенского... С. 680.

48 Труды Казанской духовной академии. 1895. Т. 2. Май. С. 33–67. Далее цитаты из письма будут приводиться по: Летопись жизни и творений святителя Феофана, затворника Вышенского. 1815–1894: В 6 т. Т. 1: 1815–1859. М.: Изд-во Московской патриархии, 2016. С. 640–662.

49 Титов А. Письма архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия к Гавриилу, архиепископу Рязанскому, 1829–1857 // Записки Одесского общества истории и древностей. 1886. Т. 14. С. 760.

50 Стефан Изворский (1815–1875) — болгарский поэт, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии.

51 Летопись жизни и творений святителя Феофана, затворника Вышенского... С. 640.

соплеменников, в дела которых со всем вниманием пытался вникнуть архимандрит Феофан.

Болгары, посылавшие депутатов с требованиями церковного переустройства напрямую в Порту (минуя церковное начальство), замечает будущий святитель, обходят стороной также и российское посольство. Он спрашивает: «...не охлаждены ли к нам болгары (из смысленных паче) и сердечно?»⁵² И предполагает, что это охлаждение может быть связано с тем, что живая надежда на Россию, с мечом вступившуюся за угнетаемых христиан, оказалась напрасной, «и положили: нечего более ожидать от России...»⁵³, нужно брать дела в свои руки — образовывать народ, возбуждать в нем национальное чувство, ставить своих епископов.

Будущий святитель отмечает, что среди простых болгар нет единого взгляда на положение их национальной Церкви, подвластной Константинопольскому патриарху. Одни греческих епископов и священников хвалят, другие, напротив, жалуются на их произвол. Достаточных сведений для того, чтобы судить об обстановке объективно, по мнению архимандрита Феофана, недостаточно: «В какой мере широка та и другая половина, неоткуда узнать»⁵⁴.

«Чего ищут болгары? Кажется, еще не установилась между ними одна общая мысль»⁵⁵. Одни настаивают на автокефалии, другие — желают управляться болгарским митрополитом, подчиненным Вселенскому Патриархату, третьи — хотят лишь архиастырей из болгар, или хотя бы из знающих болгарский язык. Общего центра, координирующего действия болгарского движения нет («у них нет одного общего двигателя»⁵⁶), однако, налицо деятельность отдельных лиц, воодушевляющих и возбуждающих к протестам народ, который в общей своей массе «живет, довольный тем, что есть и благодарит Бога»⁵⁷.

Отец Феофан обнаруживает опасность в действиях болгарских националистов, которые в церковной смуте видят инструмент для решения политических задач. Он даже моделирует сценарий, по которому может пойти болгарское освободительное движение. Епископские кафедры займут простые болгары «вместо ловких греков»⁵⁸, откроется

52 Там же. С. 643.

53 Там же. С. 645.

54 Там же. С. 642.

55 Там же.

56 Там же. С. 643.

57 Там же. С. 642.

58 Летопись жизни и творений святителя Феофана, затворника Вышенского... С. 646.

простор для европейской пропаганды, Болгария перейдет в католичество и противопоставит себя России и всему православному миру. Возбужденный болгарский народ, ослепленный национально-освободительными лозунгами («У них одна народность в уме и на языке»⁵⁹), может не увидеть этой опасности и совершить роковую ошибку.

В этой связи архимандрит Феофан упоминает и о конкретных действиях, направленных против России, которые предпринимают некоторые болгарские политические деятели. Некий Александр Экзарх (деятель национально-освободительного болгарского движения), близкий к французскому посольству, предпринял печатание богослужебных книг (которые ранее в достатке получались из России) в Константинополе, на том основании, что книги российского издания содержат предосудительные неуместные выражения, по типу «мерзкое и богопротивное царство агарянское...» в Псалтири. Подобные действия предпринимались, по мнению отца Феофана, с целью «уничтожить... поддержку сердечного союза болгар с Россией»⁶⁰. Отец Феофан предлагает, что необходимо печатать книги без упоминаний о царской фамилии и без резких выражений против ислама, чтобы лишить противников России поводов к подобным диверсиям.

Архимандрит Феофан обозначает и позицию российского посольства в этом вопросе. Эта позиция компромиссная: прямо в конфликт посольство не вступает и не занимает чью-либо сторону, но при этом считает справедливыми умеренные требования болгар о церковном самоуправлении под Константинопольской юрисдикцией и об использовании родного языка за богослужением⁶¹.

Обучение на греческом языке, против которого выступают болгарские националисты, зачастую заменяется не болгарским, а французским. Архимандрит Феофан с негодованием пишет об одном пансионе, где учатся болгарские дети, как о месте воспитания будущих пропагандистов католического учения⁶². Далее замечает, что на подобные вызовы необходимо реагировать, и предлагает создать в Константинополе хорошую школу для болгар⁶³, где плата за обучение была бы ниже⁶⁴.

Отец Феофан с сожалением констатирует, что внутрицерковные распри пагубно сказываются на положении Церкви в Порте. Султан

59 Там же.

60 Там же. С. 647.

61 Там же. С. 646.

62 Там же. С. 647.

63 Там же. С. 648.

64 Там же. С. 649.

выступает в роли арбитра в споре греков и болгар, и более расширяет свою власть на внутренние дела Патриархата: перемещаются («швыряются»⁶⁵ по выражению отца Феофана) с кафедр епископы; турецкими властями печатаются церковные книги (речь идет о предприятии Экзарха), а всем прочим необходимо пройти государственную цензуру.

«Жалкое положение!»⁶⁶ — так характеризует отец Феофан состояние Константинопольской Церкви, все более притесняемой султанским правительством и снедаемой внутренним неустройством. Примечательно, что при этом будущий святитель испытывает чувство сострадания к ней, и пишет: «России, всегда великодушной, можно бы не оставлять своей матери по вере в этом беспомощном состоянии»⁶⁷.

Архимандрит Феофан много печалился о том, что нет возможности противостоять натиску протестантской, католической проповеди, подкрепляемой финансами, дающими возможность строить школы, печатать брошюры и книги. Наверняка, особенно больно было видеть расширяющееся влияние западных исповеданий в условиях, когда нельзя им ничего противопоставить из-за отсутствия средств не только для издательской деятельности, но даже для достойного содержания причта посольского храма.

Скорой сменой места служения, приходившегося по душе и соответствовавшего незаурядным способностям, архимандрит Феофан был обязан княгине П. С. Лукомской, своему верному духовному чаду, знакомство с которой произошло в семье С. О. Бурачка еще во время службы иеромонаха Феофана в Санкт-Петербургской духовной академии (1845–1847). «Княгиня» — так именовал П. С. Лукомскую святитель Феофан в личной переписке с ней, которая вошла в историю как «Письма о христианской жизни» (1860)⁶⁸. Полина Сергеевна, как следует из ее письма А. Н. Загоскину, ходатайствовала перед графом А. П. Толстым, тогдашним обер-прокурором Святейшего Синода, в тайне от отца Феофана, о назначении его на место ректора Киевской духовной академии⁶⁹. Однако, назначение последовало вскоре на ту же вакантную должность Санкт-Петербургской академии, согласно определению Св. Синода от 12 июля 1857 г.

65 Там же. С. 651.

66 Летопись жизни и творений святителя Феофана, затворника Вышенского... С. 652.

67 Там же.

68 Лукьянова А. Е. Ближний круг святителя Феофана. Новое о П. С. Лукомской // Труды по русской патрологии. Научный журнал Калужской духовной семинарии. Калуга, 2021. № 2 (10). С. 60–81.

69 Отдел рукописей РГБ. Ф 11/1. К. 64. Ед. хр. 41. Л. 1–2 об. Цит. по: Летопись жизни и творений святителя Феофана, затворника Вышенского... С. 700.

Роль княжны Лукомской в этом деле косвенно подтверждается слухами, дошедшими до архимандрита Порфирия (Успенского), согласно которым обер-прокурор князь Толстой читал благочестивые письма архимандрита Феофана «едва ли не у княжны Лукомской», отчего «признал его достойнейшим оной ректуры». К этим ироничным словам в своем дневнике отец Порфирий прибавляет: «Non equidem, mirror magis» («не столько завидую, сколько удивляюсь» (лат.)), выражая свое мнение по поводу этого неожиданного назначения⁷⁰.

27 июля отец Феофан отправился через Одессу на новое место служения в Санкт-Петербург. Начальник Российской миссии в Константинополе А. П. Бутнев писал графу А. П. Толстому об отбытии настоятеля посольского храма из Константинополя, отзываясь о нем с использованием следующих характерных выражений: «достохвально», «благодарная преданность», «общее уважение»⁷¹.

Новое назначение архимандрит Феофан воспринял «с охотой» (из письма от 9 августа С. О Бурачку). 20 августа того же года будущий святитель прибыл в Питер, а 21 августа уже получал поздравления со вступлением в должность ректора Санкт-Петербургской духовной академии от преподавателей и студентов. Таким образом неожиданно закончилась вторая заграничная командировка будущего затворника Вышенского, продлившаяся меньше года, с ноября 1856 по июль 1857 г.

Итак, рассмотрев документы, касающиеся служения архимандрита Феофана (Говорова) в должности настоятеля посольского храма в Константинополе, а также изучив политическую обстановку и положение Церкви в Османской империи того времени, мы пришли к следующим выводам.

Архимандрит Феофан на этом высоком посту, как зрелый церковный деятель, имевший к тому времени продолжительный опыт заграничного служения в качестве члена Русской духовной миссии в Иерусалиме (1847–1853), сумел за короткое время оценить церковно-политическую обстановку, сформировать представление о болгарском движении. По этому вопросу позиция отца Феофана совпала как с политикой Александра II, так и Святейшего Синода. Он не поддерживал бравадный национально-освободительный пафос болгар, некритично воспринимаемый большей частью российской интеллигенции как здоровое

70 Книга бытия моего: Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Т. 7. СПб., 1902. С. 705–706.

71 РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 стол. Ед. хр. 245. Л. 5. Цит. по: Летопись жизни и творений святителя Феофана, затворника Вышенского... С. 652.

и необходимое начало церковного переустройства на Балканах. Архимандрит Феофан видел в стремлении болгар к церковным преобразованиям политическую подоплеку, различал голос болгарского народа, который по его выражению «живет, довольный тем, что есть и благодарит Бога»⁷², и голоса пропагандистов, которые не поступятся ни перед чем, в том числе, единством Церкви, воспринимаемую как действенный инструмент политического влияния, в своем стремлении к политической независимости. Противоестественное положение православных народов под властью мусульман — общая скорбь и греков, и болгар, которая, однако, не объединила эти народы перед лицом врага, а, напротив, разделила. Отец Феофан не думал, что Болгарская Церковь должна стремиться к самостоятельности в своем тогдашнем плачевном состоянии, более того, считал этот путь обольстительным искушением, поскольку болгарский народ, отпав от Константинополя, станет инструментом в руках западных держав в борьбе против России. Если болгары получают самостоятельность, то не смогут ей воспользоваться должным образом, и быстро перейдут в католичество, а затем противопоставят себя православию.

При этом к умеренным требованиям православных болгарских о национальном епископате и свободном использовании родного языка архимандрит Феофан относился сочувственно и признавал их справедливыми.

Настоятель посольского храма действовал, прежде всего, в тех направлениях, где мог добиться практических результатов. Во время пребывания в Константинополе он вел переговоры о возобновлении Иерусалимской духовной миссии с патриархом, обустроивал жизнь посольского храма, планировал при нем открыть библиотеку с душеполезной литературой, устроить более благолепное пение в храме, расширив малочисленный хор, также планировал распространять православные апологетические православные издания в противовес широко представленным католическим книгам. Будущий святитель с заботой относился к нуждам своих подчиненных, безбоязненно просил начальство увеличить их жалование.

Также будущий святитель внимательно следил за ситуацией в школьном образовании болгар в Константинополе, инициировал меры по противодействию распространения моды на французское образование, проникнутое католическим духом (например, школа Боре). Сетовал

72 Там же. С. 642.

на недостаточность финансов для противодействия многочисленным издательским проектам английских протестантов и французских католиков.

За время недолгой службы в Константинополе (с ноября 1856 по июль 1857 г.) архимандрит Феофан сыскал признательность как со стороны духовно окормляемых им сотрудников посольства, так и местных верующих⁷³. Его наблюдения за состоянием Константинопольской Церкви и положением в ней болгар, в частности, являются ценным материалом для непредвзятой оценки сложных процессов, приведших к Греко-болгарской схизме.

По материалам изученного нами периода можно судить и о духовном облике будущего Вышенского затворника. В ответственном заграничном служении архимандрита Феофана прослеживается четкая иерархия ценностей, которой он подчинял свою деятельность. Своей первостепенной задачей он считал совершение богослужения, создание максимально комфортной среды для духовного совершенствования как сотрудников посольства, так и местных верующих. Затем уже, несколько устроив настоятельские дела, он приступил и к остальному, изучал церковно-политическую обстановку, анализировал её, рапортовал начальству о состоянии дел в Константинополе. Другим свидетельством твердого духовного устройства будущего святителя является факт его благодушного отношения к внешним жизненным обстоятельствам. Архимандрит Феофан не роптал ни при известии о высоком назначении на заграничную должность, напротив, благодушествовал: «... то место, где, если угодно Богу, буду теперь, предпочитаю всему для себя»⁷⁴, ни огорчался после скорого перевода в столицу: «Еду на ректуру не только без попечения, но и с охотою»⁷⁵.

73 Письмо из Буюкдере управляющего Российской миссией в Константинополе А. П. Бутнева обер-прокурору Св. Синода А. П. Толстому // РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 стол. Ед. хр. 245. Л. 4–5.

74 Переписка между преосвященным Феофаном, бывшим епископом Владимирским, и Аркадием, бывшим архиепископом Олонецким // Христианское чтение, Ч. 2. 1894. Июль-август. С. 106.

75 Письмо архимандрита Феофана из Киева в Петербург С. О. Бурачку // ЦГАМ. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 262. Л. 42. Цит. по: Летопись жизни и творений святителя Феофана, затворника Вышенского... С. 706.

Источники и литература

- Вах К. А. Церковное представительство России на Православном Востоке: апокрисиарии в Константинополе или Русская Духовная Миссия в Иерусалиме? (К постановке вопроса) // Православный Палестинский сборник, 2024. № 110. С. 21–63.
- Глушко А. Ю. Греко-Болгарский церковный вопрос: интересы России между греками и болгарями // Вестник Московского государственного лингвистического университета. М., 2015. № 4 (857). С. 38–50.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 26.
- Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 14. СПб.: Наука, 1995.
- Емец В. А. Министерство иностранных дел России // Международная жизнь, 2000. № 1. С. 38–49.
- Порфирий (Успенский), архим. Книга бытия моего: Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Т. 7. СПб., 1902.
- Косик В. И., Темелски Хр., Турилов А. А. Болгарская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. 5. М., 2002. С. 615–643.
- Кудрявцева Е. П. Российские посольские церкви и священнослужители при Николае I // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 6 (57). С. 7–19.
- Кудрявцева Е. П. Российский посланник в Турции А. П. Бутенев // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 83–93.
- Кудрявцева Е. П. Русские на Босфоре. Российское посольство в Константинополе в первой половине XIX века. М.: Наука, 2010.
- Леонтьев К. Н. Письма отшельника // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. Сборник статей. М., 1885. С. 261–279.
- Летопись жизни и творений святителя Феофана, затворника Вышенского. 1815–1894: В 6 т. Т. 1: 1815–1859. М.: Изд-во Московской патриархии, 2016.
- Лилуашвили К. С. Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978.
- Лукьянова А. Е. Ближний круг святителя Феофана. Новое о П. С. Лукомской // Труды по русской патрологии. Научный журнал Калужской духовной семинарии. Калуга, 2021. № 2 (10). С. 60–81.
- Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи. 922–1892. Т. 3. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2004.
- Мельникова Л. В. Православный фактор русской политики на Балканах в конце 1850-х — 1870-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 147–161.
- Мельникова Л. В. Настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне в годы Крымской войны // Российская история. 2012. № 4. С. 121–137.
- Миловский Н. М. Современные российские исследования о последствиях Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2022. № 01/2. С. 11–31.

- Определение Св. Синода о назначении архимандрита Феофана настоятелем русской посольской церкви в Константинополе // РГИА. Ф. 796. Оп. 137. Ед. хр. 747. Л. 3–5.
- Очерки истории министерства иностранных дел России. Т. 1. М.: Олма-пресс, 2002.
- Переписка между преосв. Феофаном (Говоровым), бывшим Владимирским и Аркадием Федоровым, бывшим Олонецким // Христианское чтение. 1894. № 7. С. 69–107.
- Петров Н. И. Начало греко-болгарской распри и возрождения болгарской народности. Киев, 1886.
- Письмо архимандрита Феофана (Говорова) к Бурачкам от 5 января 1857 г. // ЦГАМ. Ф. 2355. Оп. 1. Д. 262. Л. 41.
- Половцов А. А. Русский биографический словарь. Т. 21. СПб., 1901.
- Попов Н. Взгляд очевидца на греко-болгарскую распрю // Исторический вестник. 1886. № 8. С. 274–286.
- Скурат К. Е. История Поместных Православных Церквей. В 2 т. Т. 1. М., 1994.
- Стоянов-Бурмов Ф. Греко-болгарская распря в шестидесятых годах // Вестник Европы. СПб, 1888. № 8. С. 720–745.
- Сильвестр (Стойчев), архиеп. Греко-болгарский раскол в 1872 году: история и каноническая оценка // Портал Богослов.Ru URL: <https://bogoslov.ru/article/6176739> (дата обращения: 27.11.2024).
- Титов А. Письма архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия к Гавриилу, архиепископу Рязанскому, 1829–1857 // Записки Одесского общества истории и древностей. 1886. Т. 14. С. 684–898.
- Туманян Т. Г. Восточный вопрос в российской публицистике: от философии к политике // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб, 2018. Т. 34. Вып. 4. С. 543–555.